

Излек, правда, - 1996. - 8 окт. - С. 3.

Осеннний визит к юмористу

**Вниз по Варварке
я пробирался
к киноконцертному
залу «Россия»
на беседу
с юмористом-
сатириком, певцом,
артистом, танцором,
чтецом и клоуном.
Нет, я не собирался
отрывать от работы
творческий коллектив
средних размеров.
Так как все это сразу -
один-единственный
человек -
Ефим Александров.**

Настроение было самое осенне, и погода, само собой, соответствовала. Внизу, у бетонной громады «России», промозглый, и от этого, должно быть, такой психованный ветер то гремел по асфальтовым пустырям тополинными листьями, то вдруг бросал их и лез под коротенькие юбки девушек, которые озабоченно прогуливались у центрального входа и были подозрительно экстравагантны для этого времени суток. То снова рвался в небо, но и неба уже не было, а было скопище туч цвета, высокосортного цемента, которые так же злились и так же неслись куда-то, пихая одна другую. И ветер в остервенении опять кидался вниз, выискивая редких прохожих.

«...Во время его концерта в Нью-Йорке, который проходил 9 июня, зал был переполнен, а в конце вечера люди стоя аплодировали минут 15», - писала об Александрове этим летом русскоязычная американская газета «Новое русское слово». «Пожалуй, - думал я, словно диверсант обходя «Россию» с тыла, - он, чего доброго, не просто юморист, а Артист с большой буквы. Тогда развеяться сегодня уже точно не удастся. Просто черная тоска плавно перейдет в светлую грусть. Ибо смех Артиста с большой буквы это на самом деле всегда грустно, это всего лишь чуть резче очерченная повседневность».

И уже немного спустя, сидя в одной из нор прибрежной «российской» горы, грее руки о прозрачную чашку с чаем и глядя в глаза Александрова, я понял, что не ошибся. Конечно, глаза эти улыбались, причем много добрее, чем у обычных людей. Но не чаще. Хотя говорили мы о самых, казалось, развеселых вещах. Легко ли, например, что ни день заставляет людей смеяться? «Уж чего

проще, - сказали как-то Ефиму, - можно влезть на сцену, снять штаны, и все вокруг будут хохотать...» «Что ж, - ответил он, - попробуйте целый вечер смешить голой задницей несколько сотен нормальных людей».

Дарование Ефима Александрова необычно. Так мешающее ему в начале творческого, как это называется, пути «сочетание прекрасного голоса и комической внешности» просто не могло в конце концов не обернуться лучшей своей стороной к своему обладателю. Что, однако, вовсе не означает, что Александров сначала веселит зрителей монологом, а потом смешит песней. Шуточные песни входят, безусловно, в его репертуар, но немало там есть и такого, что хочется плакать. И вот этот переход от смеха к слезам и наоборот - одна из главных составляющих дарования этого артиста. Поэтому концерты Ефима Александрова - это не «Вокруг смеха», это скорее «Вокруг жизни». Что уже само по себе верный признак смеха высшей пробы.

Как это в последнее время часто бывает, за границей Александрова знают сейчас лучше, чем в России. Только в США Ефим Александров приезжал шесть раз, выступая там сначала с Владимиром Винокуром. Отечественному зрителю Александров как раз и известен по совместным с Винокуром юмористическим номерам, самый известный из которых - «В поликлинике», где Александров играл роль большого, а Винокур - доктора. С Винокуром Ефим проработал восемь лет, а теперь работает один. Нет, скандала, возникшей вдруг неприязни или еще чего-нибудь столь же болезненно любопытного не было. Просто ученик стал мастером, а что за мастер без собственной мастерской?

Работа же в одиночку сразу

мобилизует все творческие способности, сразу делает острее восприятие и своего труда, и полученного в конце концов, с позволения сказать, продукта.

А смех, как известно, продукт капризный. В старой компании часто смеются над тем, что человеку постороннему не просто не смешно, но и вообще не понятно, что уж говорить о странах и о народах. Тому, над чем от души будут хохотать в какой-нибудь Австралии, для средних жителей которой проблемы типа «есть нечего и жить негде» давно стали историческим достоянием, в какомнибудь Угличе, где и бабулям на рынке (а метро там еще века три четыре не будет) подают исключительно металлической мелочью, разве что усмехнуться. Этого ли не знать Ефиму, побывавшему на гастролях и в этой самой Австралии, и в Германии, и в Израиле, и в США, не говоря уже родных пепнатах? В тех же Штатах, к примеру, реклама похоронных агентств заполонила все вокруг наравне с кока-колой и памперсами; современные Безенчуки обещают вам со страниц газет «именины сердца» при условии, что именно им вы доверите погребение родных. Или близких. Или друзей. Неважно - чем больше, тем лучше. Так что зрители на концерте в Нью-Йорке вовсю заливались над монологом в исполнении Александрова, в котором высмеивалась этот порой чрезесчур навязчивый сервис. В России же, по словам Ефима, тот же монолог проходит, но природа смеха здесь иная - здесь это скорее смех сквозь слезы.

Но эта разница в пространстве. А во времени? И кстати - почему в современной России нет новых ярких юмористов, нет вообще каких-либо по-настоящему громких событий в этой области? Почему не немногие старые мастера, которые не ушли еще с головой в коммерцию, даже если и появляются перед зрителями (а кто и довольно часто), не являются при этом ничего по-настоящему современному, а занимаются в основном обустройством своих шести соток, застолбленных когда-то на юмористическом Олимпе? А это, опять-таки, берет свое природу смеха. То, что немедленно вызывало смех пять - десять лет назад, теперь воспринимается иначе. И те люди, творческое сознание и приемы которых уже сформировались в те времена, когда от пародий на Брежнева или от «соленого» анекдота, рассказанного со сцены, публика падала в обморок от восторга, уже не в состоянии ухватить за живое се-

годняшнего зрителя. Увидеть старое по-новому или новое по-старому - да, но осмыслить по-новому новое они не в состоянии. И в этом нет их вины, просто нужна «свежая кровь». А в этом-то и загвоздка. Как совершенно справедливо заметил в беседе Александров, курсируя от стены к письменному столу и обратно, если для рождения новой попзвезды достаточно, грубо говоря, одной симпатичной девушки, пары удачных песен и месячной телевизионной «раскрутки», то с юмористом подобный «номер» не пройдет - повторением здесь к аудитории не пробиться, ведь даже самый удачный анекдот больше двух раз не рассказываю. Здесь нужен целый ряд обнадежденных творческих удач, целый список разных побед, одержанных одним артистом.

Поэтому-то Ефим Александров и создает сейчас собственную программу. Создает, конечно, не в одиночестве. Режиссер Любовь Гречишникова, автор Альберт Левин помогают ему самым активным образом. Процесс этот сложный и нескорый, но уже известно, что в программе будет много музыки, песен и, конечно, смеха. Неудивительно - это будет программа «юмористического певца или певческого юмориста», как Александров сам себе называет.

В том, что это именно так, я убедился сам. Нашу глубокомысленную беседу Ефим без всякого напряжения иллюстрировал шутками, отрывками из песен и монологов.

«Маленькой звездочкой», которая через пару лет сможет стать большой полновесной звездой, называет Александрова «Новое русское слово». Возможно, очень возможно. Тем интереснее то, что происходит сейчас и будет происходить в ближайшее время. Ефим Александров становится Ефимом Александровым.

Я возвращался вверх по Варварке. Ветер, подлец, переменил направление соответственно и по-прежнему дул в лицо. По-прежнему гонял голубей над газонами, подминал сухую серую пыль и в озлоблении пинал флагок над коммерческим киоском. По-прежнему это унылое бытие определяло вконец уже вялое сознание.

Я спустился в метро, вошел в вагон, сел, закрыл глаза и снова увидел Фиму, который читает монолог.

И почувствовал вдруг, что можно, пожалуй, двигаться дальше.

Арсений АНДЕНКОВ.

Свет
в окне